

ПОЭЗИЯ

Михаил БОРИСОВ,
Герой Советского Союза

Михаил Федорович Борисов родился 22 марта 1924 года на Алтае (пос. Михайловский Баевского района). Его детство прошло в городе Камне-на-Оби. Оттуда он и ушел на фронт в первые дни Великой Отечественной.

Воевал в Крыму, под Сталинградом, на Курской дуге. Освобождал Польшу. Участвовал в штурме Берлина.

11 июня 1943 года под Прохоровкой комсорт Отдельного истребительно-противотанкового артдивизиона Михаил Борисов встал к орудию на прицеле уцелевшей пушки и уничтожил семь вражеских «тигров». 19-летнему сержанту было присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенное время М. Борисов учился, работал и снова служил. Он полковник в отставке.

Михаил Борисов — член Союза писателей СССР, автор многих книг. Одна из них — «Эхо на рассвете» — в 1982 году удостоена диплома Министерства обороны СССР. За книгу «Земные высоты» (1984 г.) Михаил Борисов получил премию им. А. А. Фадеева.

Сейчас Михаил Борисов живет в Москве. Мы предлагаем читателям альманаха подборку его новых стихов.

«ОКТЯБРЬ И МАЙ ЕМУ СВЕТИЛИ...»

ОГОНЬ СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Не злость позднего восхода,
Что споро пляшет по Неве, —
Огонь семнадцатого года
Меняет краски в синеве.
Еще в его начале яром
Адмиралтейская игла,
Как штыковым, глухим ударом,
Пронзила царского орла.
И люд вздохнул,
Расправил плечи,
Но начал с фразами и без
Палить то факелы, то свечи
Под светлым куполом небес.
Он так и жил бы,
Спору нету,
Когда бы сорок первый год
Не накренил силком планету
И не обуглил небосвод.
В горниле этом исполнимом
Народ опять себя напряг
И лег костями.
И над Берлином
Вознес-таки победный стяг.
А сам,
Стремясь подняться выше,

Иной наращивал разбег,
Пока уверенно не вышел
За грань земную человек.
Октябрь и май ему светили
И те, прошедшие давно,
Неприкасаемые были —
Полтава и Бородино.
Они — святыни для народа!..
Но светит
Зримей всех огней
Огонь семнадцатого года
Над грустной Родиной моей.

* * *

Память с нами не играет в прятки,
Не уходит вдаль
На вираже.
...Слышу, как гремят сорокапятки
На забытом богом рубеже.
Мы их называли «Смерть расчету!»
И вдобавок — «Родина, прощай!»
Прикрывая матушку-пехоту,
Сами выживали невзначай.
Среднею излучиною Дона
В корчах плыл подбитый небосвод.
Из артиллерийского заслона

Уцелел под вечер только взвод.
 Степь — и та снарядами прошита
 Вся насквозь.

Она что решето.

Даже мой наводчик Подкорытов
 Не сказал, как раньше:

— Прожито!

У него — две беленькие прядки.

У меня — застывший в крике рот...

Двое нас на две сорокапятки.

Он и я — весь уцелевший взвод.

* * *

Вы к нам не придете, потому что мы
 к вам пришли.

Надпись, сделанная в мае 1945 года
 на одной из колонн рейхстага

Последние метры — последняя ярость.

Пехота встает,

подавляя размахом.

Знаменного шелка веселая апость

Уже заиграла над бывшим рейхстагом.

«Вы к нам не придете...» —

Писали ребята

На черной,

разбитой скуле цитадели,

А сами, как будто любуясь наградой,

На эту горящую надпись глядели,

А сами,

острей

и острее почему-то,

Недобрые версты свои вспоминали

И, словно врача душевную смуту,

За тех, кто погиб, начищали медали.

И тут же,

в поверженном наземь Берлине,

О самом заветном уверенно пели...

Для них, не тускнея, горит и поныне

Та фраза на черной скуле цитадели.

* * *

Не напел я песни самой звонкой,
 Не сложил,

не вынес из огня...

Но стоящий поодаль мальчонка

Не мигая смотрит на меня.

Вряд ли сыщешь слушателя тише,

А попробуй подойти к нему —

И всей плотью,

кажется, услышишь,

Словно посвист пули:

«Почему?»

Верить с ходу, может, и не надо,

Только кто тогда

еще при нас

И прожить сумеет без разлада

И допеть неспетое сейчас?

Мы не все,

к прискорбию, успели

Из предназначенья своего.

Тут же въязь веселые апрели

За спиной взметнулись у него.

И не раз по курскам да рязаням

Он взбодрит

бессмертного коня,

Широко раскрытыми глазами

Не взглянув, как нынче, на меня.

* * *

О сколько лет слепая в злобе сила

Ломала человеческую статью..

Мне и теперь

Нередко надо было

Хотя б рубеж, что занял, удержать.

И я,

Высот

Одолевая склоны

И долю непутевую кланя,

Не раз в уме подсчитывал патроны,

Точь-в-точь, как там,

На линии

Огня.

* * *

Как все вокруг разноречиво —

И плач и смех,

И ночь и день,

И многомерная на диво

Любви и ненависти звень!

Короткий перечень, бесспорно,

Не исчерпал земной режим:

Бичуя ересь во все горло,

Мы ею все-таки грешим.

Но и нельзя

Представить тоже

Везде добро одно иль зло,

Один для всех оттенков кожи,

Навек застывшее число.

Кого не испугает это —

К земле пристегнутая высь,

Вконец исчерпанная смета

На расколдованную жизнь!

Она бы немощно закисла
Без горных кряжей да яруг...

И тянет нас
На поиск смысла
Во всем, что вызрело вокруг.

* * *

Было время — плыл навстречу маю,
За спиною слыша шелест крыл,
И при встрече «Здравия желаю!»
Всем девчонкам щедро говорил.

О любви, считал, не затоскую,
Погожу, еще настанет срок,
Прежде надо землю дорогую
Исходить и вдоль и поперек.

Солнышко в открытую светило,
Путь-дорожка дальняя звала,
А любовь со мною не ходила,
А любовь у хаты не ждала.

Голову склоняю перед нею,
Не кляню вечернюю зарю
И все чаще скупю: «Честь имею» —
Женщинам при встрече говорю.

* * *

Опять в моем заснеженном селе
С полудня закуражились метели
И враз разноголоса загудели,
Как мужики, когда навеселе.

Зашелся день в горячечном бреду,
А дышится и думается проще,
И мы идем по белой-белой роще,
Идем с тобой на радость и беду.

Еще весна на звончатой трубе
Нам ничего почти не протрубила,
Но мне хватает внутреннего пыла
И я тянусь по-вешнему к тебе.

* * *

На лугу трава некошена,
Небо ясного ясней,
Томной негой запорошена
Суета последних дней.

Под щекою не колышется
Голубая сон-трава,
Но сквозь дрему
Все же слышатся
Очень важные слова:

«По-за Томью,
Речкой быстрою,
За серебряной дугой
Я шалаш из тала
Выстрою
Для подружки дорогой».

На лугу трава некошена,
Благодать и на душе...
И тебя, моя хорошая,
Жду я тоже в шалаше!

* * *

Угрюмый кедр поднялся над откосом,
Весь в инее,
как в свадебном дыму,
Он тянется к заснеженным березам,
А те ответно тянутся к нему.

Едва лишь тут,
в округе этой, дюже
Сибирская зима заголосит,
Прикроет кедр собою их от стужи,
От горестной метели оградит,

И если вдруг,
источенный морозом,
Падет и сам когда-нибудь на наст,
То и тогда приклонится к березам
И им тепло последнее отдаст.